

полнять чисто отрицательные задачи (оборона, борьба со стихийными бедствиями). Когда же нужно восстанавливать, строить, оказывается, что чего то, и самого основного, не хватает. И никакие расстрелы, концлагери, доносы, истязания тут ничем не помогут.

Однако, это не исключает отдельные и крупные успехи у диктаторских режимов. Например, осушение понтийских болот и завоевание Эфиопии — в Италии; восстановление военной мощи — в Германии; почти поголовная грамотность, лучшая в мире авиация, гиганты тяжелой индустрии — в России. Спрашивается только, не являются ли эти успехи лишь мертвым вкладом в будущее, вкладом, который будет реализован более гуманными (человечными) режимами?

Лев Закутия.

Уроки Революции

В настоящее время все моральные и правовые устои общественной жизни настолько подвергнуты сомнению и критике, что стало трудно опираться на что либо в оценке текущих событий. На любой факт, на любой поступок или происшествие, существует множество исключающих одна другую точек зрения, и признание одной из них за правильную стало просто на просто делом вкуса или личного интереса.

Современное положение в мире было отлично охарактеризовано проф. Алексеевым в одном из его докладов. «На арену жизни, говорил он, выходят многомиллионные массы без догмата, без твердых моральных устоев, без заповедей. Старые религиозные и правовые ценности в глазах этих масс потеряли свою обязательность. Собственность прекратила свое идейное существование. Основные категории общественной жизни, как господин и слуга, хозяин и работник, стали непереносимы для современного сознания»... «Но где массы, там и их вожди, и вот, как грибы после дождя, растут диктатуры. Прежние идеологии, основанные на христианстве, им оказались необходимым заменить чем то иным, — появляются идеократии: марксизм, фашизм, расизм.»

После такой характеристики возникает вопрос: как бороться с этими разрушительными веяниями, существует ли лекарство для сознания, больного неверием? И одни видят это лекарство в создании новой религиозной культуры, другие — в сохранении верности принципам демократии, третьи — в организации труда и досуга... Мне думается, ответ мы можем получить в результате точного и добросовестного анализа событий, происшедших и происходящих на нашей Родине. Такие уроки не должны пропадать даром.

Мы видели, как произошло у нас беспримерно-полное торжество представителей марксистского сознания, этого страшного со-

знания «без догмата и без заповедей», овладевающего многомиллионными массами. Торжество это выразилось в двух исторических фактах: в разрушении Императорской и собственнической России и в возникновении большевистского и марксистского СССР. Но вслед за этими основными фактами, мы имеем другие факты, не менее важные, показывающие нам как живет, развивается, эволюционирует и... умирает марксистское сознание.

Неоднократно ставились вопросы: почему ленинизм превратился в Н.Э.П.? Почему сталинизм сполз к сдельшине, к стахановщине, к присадебным участкам, к заинтересовыванию директоров фабрик в прибылях, к праву на наследование? Почему, как негодная ветошь, отбрасывались один за другим созидательные тезисы марксизма, вроде вознаграждения чиновников и специалистов в размере зарплаты рабочего, создания народной милиции вместо регулярной армии и т. д. И обыкновенно следовал ответ: противоестественность системы. Ответ слишком общий и совсем неубедительный. А капитализм с его кризисами и растущей безработицей — система более естественная? Ответим иначе. В своем построении Маркс не смог охватить разумом всего клубка жизненных противоречий, не смог осмыслить всего бесконечного многообразия жизни и стороны ее неохваченные разумом Маркса, диктуют свои коррективы составленной им схеме.

Скажем конкретнее. Во первых, если уничтожение капиталистическо-пролетарской формации есть разрушение, то возникновение нового общества есть созидание, — два периода не только противоположные, но исключаяще-противоречивые, и методы работы, соответствующие им, хотя и являются обратными и необходимыми сторонами друг друга, но также противоречат друг другу, как разрушение противоречит созиданию. Во вторых, если переход власти от тезиса — капитализма к антитезису — пролетариату происходит в результате «суровой борьбы», то слияние их в синтезе нового общества должно произойти в результате сотрудничества, исключаящего былую ненависть и нетерпимость, эти спутники разрушения: новой эпохе должно отвечать новое сознание. Наконец, если для критики капитализма Марксу оказалось достаточно тщательного анализа, то для теоретического обоснования нового строя нужен творческий синтез, в деле же синтеза Маркс оказался слаб и беспомощен. Маркс был революционер-разрушитель по натуре, и ученики его вышли только разрушителями, но не созидателями.

Вот три основных причины эволюции коммунизма.

И мы видим, что по мере того, как разрушительный период в России уступает место периоду созидательному, начинается и постепенная сдвиг Сталиным его идейных позиций, начинается идейное перерождение коммунистов и их грызня между собою, начинается проповедь старой, как мир, морали комсомольцам, а также прославление семейных и гражданских добродетелей, начинается почти поголовное истребление старых большевиков-ленинцев, не сумевших приспособиться к созидательному периоду. Ларчик открывается просто. Россия живет и растет. Чтобы жить и расти нужно строить

и создавать. Принципы же созидания вечны. И вот эти то принципы и уничтожают марксизм и марксистов.

Чтобы построить фабрику, нужен не только хорошо выбранный участок земли, но и строительный материал, и рабочие, и инженеры, и план постройки, и деньги, и необходимые знания, вообще, очень много всяких духовных и материальных ценностей.

Марксист, принужденный строить, а не разрушать, принужден оценивать вещи, по их качеству: принужден оценивать строительный материал, исполнителей работы, а также и обстоятельства, при которых происходит работа, в том числе всякие правила, законы, наконец, всю государственную систему. При стройке сравнивают и выбирают; при стройке одно принимается, другое отбрасывается, одно утверждается, другое отрицается, и марксист начинает понимать, что для созидания нужна не диалектика Маркса, принимающая обе стороны противоположности, но самая обыкновенная логика Аристотеля. Подобно самому вульгарному метафизику, ему приходится говорить: «Да, да, нет, нет, а остальное от лукавого» (Энгельс).

Практика созидания принуждает марксиста сменить диалектический метод мышления на оценку по степеням качества и на отбор и утверждение определенных принципов, правил и законов, как необходимых точек опоры.

Оценка по степеням качества немедленно создает иерархию ценностей, и в голове марксиста образуется иерархия вещей, иерархия людей, иерархия идей. А иерархия никак не совместима с уравниловкой. В результате, кухарка, пытавшаяся управлять государством, возвращается к своим прежним занятиям; за одно, инженер, служивший дворником, тоже занимает свое прежнее место, и оба начинают получать по делам их.

И в жизни, и в головах людей происходит, так сказать, обратное размещение ценностей, сдвинутых с места неумеренно бурным революционным порывом. В сознание возвращаются такие слова, как порядочность, честь, доблесть и т. п.: без них плохо идет работа. Сталин провозглашает труд делом чести, делом славы, делом доблести. Вообще, последствия этого процесса настолько велики, что не поддаются учету, так как в их числе нужно считать и признание ценностей народных, государственных, исторических.

Но это не все. Отбор и утверждение в сознании определенных принципов, правил и законов прекращает всякую дальнейшую революционную критику; в результате, бывшие революционеры превращаются в зяблых консерваторов. Отсюда, если угодно, можно вывести общее правило: необходимость разрушения того, что мешает творчеству, создает настроение революционное, само же творчество создает настроение консервативное.

Все знают, что такое коммунистическая мораль. Ее очень хорошо изложил еще старик Диоген. У него можно найти и принцип «цель оправдывает средства» и утверждения вроде того, что совесть приспосабливается к человеку, а не человек к совести и т. п.

Посмотрим, что остается от этой морали и вообще от мате-

реализма, когда они пройдут через очишающий огонь теоретической работы.

Когда марксист строит самый обыкновенный стол, (строит, а не реквизирует), он изучает каков должен быть этот стол и теоретически и практически. На любой работе, умственной или физической, частной или общественной, в науке ли или искусстве, он изучает каковы должны быть вещи, каковы должны быть люди, каковы должны быть идеи, каков должен быть он сам для успешной работы. Знать, каков ты должен быть, значит иметь чувство долга, чувство долга к работе, к себе, к людям, к Родине. Где есть чувство долга, там есть чувство ответственности, а где чувствуется ответственность, там есть и совесть.

Само собою разумеется, чувство ответственности не синоним чувства совести, но оно есть его главное содержимое и один из его возбудителей.

С другой стороны голос совести есть голос Бога в душе человека, о Нем напоминающий; следовательно прямой путь от твари к Творцу лежит через творчество. Здесь я мог бы привести известные факты превращения преступников в честных людей посредством трудовой дисциплины. Ограничусь напоминанием, что некоторые стахановцы, например, идут учиться тэйлоризму к религиозникам. Этому не следует удивляться, — где Истина, там и творчество, где творчество, там и жертва, а где жертва, там и Истина и новая жизнь. Истина же без творчества и вне творчества есть смерть.

Творчество перерождает марксиста. Зная, каковы должны быть вещи, он внешним обстоятельствам уже не подчиняется и ими не оправдывается, но старается переделать их по своему. Строя жизнь по плану, он на практике убеждается во власти творческого сознания над повседневным бытием и та же самая творческая практика заставляет его искать опоры в высших моральных ценностях, ею же и созданных. Сами собой тогда отпадают старые, низменные, ползучие лозунги, вроде бытия, определяющего сознание, цели, оправдывающей средства, совести, приспособляющейся к человеку и т. д., годные для разрушения, годные для эгонистического самоутверждения за чужой счет, но не годные для творчества, особенно общественного.

Каждой эпохе соответствует ее сознание, сказал Маркс. Эпохе разрушения капитализма соответствует марксистское сознание. Но эпохе созидания нового общества должна соответствовать новая созидательная мораль. Долг, совесть, любовь к жизни, любовь к творчеству, жертвенность — вот опорные пункты становления нового мира.

Но, так как творчество прямой дорогой ведет к Творцу и в буквальном и в переносном смысле, то не удивительно, что эта «новая» созидательная мораль с древних времен находит свое лучшее оформление и закрепление во всех религиозных системах мира, чем в свою очередь способствует вечной жизненности и неуязвимости религии.

Торжество диалектического материализма неминуемо приводит к возрождению религиозного сознания. Марксистское сознание «без догмата и без заповедей» производит колоссальные революционные разрушения, откуда является необходимость сильнейшего творческого напряжения для воссоздания разрушенного. Творческий дух сам рождает духовные ценности, как свои точки опоры, но находит их утвержденными и закрепленными только возвышаясь до религиозного сознания. С религией люди крепнут духом, легче преодолевают горечь несчастий и потерь. Таким образом, религиозное сознание гедет себя по отношению к торжествующему материализму, как его диалектическая противоположность: возрождаясь через творчество и через страдание, оно постепенно вытесняет материализм, становясь на его место и образуя в синтезе новый дух народных масс, качественно обогащенный и углубленный.

Вот основная причина провала анти-религиозной пропаганды в России. «Вы заставляли детей снимать кресты, говорят матери-колхозницы школьным учителям, — а теперь времена не такие»... («За ком. просвещение» от 8 мая.).

Марксистская диалектическая философия, отрицая за духом всякое самостоятельное значение, все же претендует привести человека в царство сознания, в царство свободы, т. е., в царство духа. Это все равно, что претендовать подняться по лестнице, положив ее плашмя. Здесь ее основная ложь.

В творческой работе люди достигают высшего духовного напряжения. Чем выше творческие цели, тем выше духовное напряжение. Как же людям, усвоившим марксистский утилитарный «дух», достичь, хотя бы удовлетворения элементарных потребностей народа, уж не говоря об удовлетворении «по потребностям».

Этот «дух», по Марксу — «вторичное», по некоторым дарвинистам — «случайное» — от случайной мутации в обезьяньем мозгу, а по выражению нашего знаменитого хирурга Пирогова — некий «бастард от случки случая с случайной природой», — этот «дух» есть ничто иное, как продукт машинной цивилизации, продукт торжества вещей над людьми, продукт разложения капитализма. Могло ли такое понимание духа вдохновить русских людей на эпопею челюскинцев, например, или на чудесные полеты через полюс в Америку, или, хотя бы, ободрить парашютистов, падающих пачками по 3000 человек? Советская пресса не раз отмечала самоотверженную работу «непартийных большевиков» при постройке гигантов индустрии и каналов. Марксистский «дух» здесь явно не при чем. Не достаточно и личной заинтересованности для объяснения подобных фактов. Творческая работа воспитала этих людей, она же родит и защитников Родины.

Чем больше человек трудится над чем нибудь, чем больше сил и здоровья «ухлопал» на какое либо дело, тем больше он к нему привязывается, тем дороже оно для него становится.

Человек любит создание рук своих, и если наш марксист уже пол-жизни отдал на работу для страны, на воссоздание ее из пепла, то может ли он не любить свое собственное произведение, не быть патриотом дела рук своих, не гор-

даться ее, т. е. своими успехами, не болеть ее, т. е. своими бедами, особенно, когда и над ней и над ним нависла внешняя угроза? Сядь любки к Родине и призывают на ее защиту. Творческая работа идет из марксиста патриота и даже националиста.

Но, скажут, если вы приписываете творческой работе такое чудотворное влияние, то почему большевики не превратились до сих пор в образцы всех добродетелей? Почему страна живет «на одну десятую бюджета» (Селин)? Почему Сталин все еще правит Россией?

Причин тому много. Во 1-х, потому, что новые эпохи делаются новыми людьми, а новые люди ни у нас на Родине, ни где бы то ни было, не выработали еще той духовной культуры, где могли бы закрепиться творческие качества, не подпертые в той степени, как при капитализме, стимулом личной наживы.

Во 2-х, существование капитализма во всем мире укрепляет существование в России его противоположности и порождения, подобно тому, как отрицательное напряжение электричества на одном полюсе электрода обуславливает положительное на другом.

В 3-х, всякая революция выдвигает на первые места слишком уж много «твердой души подлецов», как выражается Солоневич, вроде, хотя бы, Ягоды. В период разрушения они составляют острейшее оружие революции, но в период созидания их судьба — гильотина или пуля в затылок, так как они ни в коей мере не созидатели общественной жизни.

В 4-х, необходимо вспомнить, как досталась большевикам власть. Слишком уж легко русский народ соблазнился пораженческими призывами Ленина. Слишком легко русский солдат превратился в шкурника и дезертира. Слишком легко русский рабочий и крестьянин поддались лозунгу «грабь награбленное». Слишком легко русская интеллигенция согласилась на ломку всего устойчивого, традиционного. Ради соблазна разрушения, ради шкурных, или, там, классовых интересов русский народ забыл кровь миллионов солдат, даром унавожившую поля Галиции, Польши, Восточной Пруссии, выпустил из рук близкую уже победу, изменил своему величию, — изменил Родине.

Вообще-то революция, как и всякое разрушение, дело хоть иногда и необходимое, но грязное. Мы же к грязи революционной сумели прибавить еще и грязь измены. Что греха таить. Именно поэтому наша революция приняла такие острые и свирепые формы. И вот за эту то измену мы и расплачиваемся. Должны расплатиться, — на то мы и Великий Русский Народ. Не хватило стойкости, не хватило государственного ума отложить внутренние расчеты хотя бы на год, дождаться Германскую войну, — хлебнули страдания вдесятеро. Пенять не на кого.

Вот почему большевизм не изживается так быстро, как хотелось бы. Отдавшись ему телом и душой, русский народ связался с ним еще и каторжной связью. Значит не вся вина еще искуплена, не вся грязь выгорела в огне страдания.

Но нужно помнить — не в революции вина, но в измене; пора-

женчество — всегда вина и всегда измена, так как оно есть забота прежде всего о самом себе. Не мешало бы задуматься об этом и те- перешним пораженцам.

Есть и еще причина прочности большевизма. Кроме делей разрушительных, революция имеет и цели конечные, созидательные. Вот два достижения, две идеологических позиции, два «диалекти- ческих» перехода, на которых утвердился русская революция, и от которых не хочет, не может, да и не должен отказываться Сталин, так как в них весь смысл и все оправдание революции. Это во 1-х, переход от капиталистической анархии в производстве к плану, во 2-х, переход от частной собственности к общественной и к их про- межуточным формам.

В этих двух переходах вся потенциальная созидательная цен- ность революционных сдвигов, происходящих в настоящее время во всем мире; но к сожалению, пока Сталин в какой либо мере мар- ксист, он не может реализовать эту созидательную ценность, так как сущность марксизма не в созидании, а в разрушении.

Несчастье России, да и всего мира, в том, что марксисты могут разрушить капитализм, но сами ничего построить не в состоянии, так как не обладают созидательной моралью; социалисты, наобо- рот, могли бы построить социализм, но они не в состоянии справиться с капитализмом, так как не имеют морали достаточной разруши- тельной силы, иначе говоря, они не могут в нужной мере превратиться в «твердой души подлецов». Большевизм родит Дзержинских, социализм — Керенских.

Каждому свое. Человек, существо конкретное и потому ограни- ченное. Для достижения великих целей нужна специализация не только научная, но и моральная. Порядочный человек только пото- му и порядочен, что существуют подлецы, а большевик только пото- му и большевик, что существуют капиталисты. Не будь одного понятия, не было бы и другого. К капитализму возврата нет, — ок снова приведет к коммунизму. Поэтому закономерно появление мар- ксистского сознания, закономерно и его умирание. П о э т о м у и а р к с и з м н е о б х о д и м , к а к н е о б х о д и м а с с е н и з а ц и о н н ы й о б о з . И т о ж е д р у г о е — явления не из красивых, но не будь безобразного, не да- но б нам было и прекрасного.

«Свет из тьмы! Из темной глыбы

Вознестися не могли бы лики роз твоих,

Есть б в сумрачное лоно не впивался погруженный
Темный корень их...» (Вл. Соловьев.).

Мы не знаем еще, что вырастет из «темной глыбы» большевиз- ма, но зато знаем: избавление от ассенизационного обоза — в про- грессе канализации, — спасение от большевизма — в прогрессе мо- ральном, культурном и материальном. Никакая в н е ш н я я с и л а от большевизма нас не освободит, так как он — явление в н у т р е н н е г о порядка, следовательно, военное поражение не мораль- ностью революционное. Проиграв Великую войну, можем ли мы позволить себе роскошь проиграть еще и Великую революцию?

Нет, не можем. А если не можем, то переделать, перемотать, переварить большевизм должны мы сами, как бы нас от того ни мучило.

К счастью на Россию работает жизнь и вечные принципы ее созидания. Конечно, дело не идет так ровно и гладко, как это может показаться по рассказу. Есть марксисты — доктринеры, на которых никакая практика не действует, — тем хуже для них. Всякая жизнь, всякое общество есть борьба и взаимодействие частей его составляющих. Стремясь, по завету Маркса, к уничтожению конкуренции и индивидуальной борьбы между людьми, марксисты не могут прекратить свою «борьбу с борьбой», если желают остаться сами собою, но принуждены продолжать и развивать ее до конца своего или той жизни, с которой борются.

В такое положение попал Троцкий со своей «перманентной революцией»; в такое положение попали все старые большевики-ленинцы, понемногу выводимые Сталиным в расход, в такое же положение попадает и сам Сталин при своих рецидивах марксизма. В них и заключается трагедия марксистов, что разрушая, они сохраняют верность себе и диамату, но неуклонно истребляются жизнью, требующей созидания, а как только начинают строить, то принуждены перерождаться морально и самоуничтожаться идеологически. А это не всякому под силу. Этим же объясняется то, с каким трудом и с какими жертвами дается им всякое созидание. Не те люди и не те идеи.

Замечательно, что сам Сталин это отчасти понимает. По мнению Сталина, вот основы психологии старых большевиков: «Выросшие в условиях революционной борьбы против старого режима, мы все воспитали в себе психологию оппозиционеров, непримиримых протестантов. Хотим мы этого или не хотим, наш ум работает в направлении критики всего существующего... Короне, разрушители.*) В прошлом это было хорошо, — теперь, когда мы должны заниматься положительным строительством, это безнадежно плохо. С таким человеческим материалом... ничего прочного построить нельзя... надо снять их с постов, создать новый правящий слой». («Соц. Вестн.», 17 янв. 1937.)

Мавр сделал свое дело, — мавр может уйти.

Но даже и в эту, казалось бы, полную схему не укладывается расстрел Тухачевского и семи генералов и происходящая сейчас кровавая чистка. Конечно, весь правящий слой, поднявшийся к власти в первые годы революции, не многого стоит. Но кое-как эти люди все же справлялись с своим делом. Впечатление таково, что те семена ненависти, которые они сеяли вокруг себя долгие годы, дали свой плод и обратились против них самих. Это будет, очевидно, продолжаться, пока жив главный сеятель — Сталин.

Основное направление революционных сдвигов нашей эпохи, это переход от капитализма к социализму.

Что такое социализм? Определяемый отрицательно, это — бр.

*) Курсив мой.

каз от бесконтрольного распоряжения собственностью, отказ от тех политических и экономических свобод, которые обусловили развитие творческих сил капитализма. Определяемый положительно, это — умение видеть свой личный интерес через общий, умение работать, не будучи стимулируемым жадной личного обогащения.

И то и другое требует от людей весьма высокой степени сознательности, требует такой духовной высоты, которой люди в массе еще и не достигали.

Как достичь этой духовной высоты, этой «сознательности рабочего класса», как говорят большевики? — Вот основной вопрос современности, вот главная трудность, которую приходится преодолеть нам и придется преодолевать и нашим преемникам.

А преодолеть нужно, иначе социализм превращается в голое насилие и террор в планетарном масштабе.

Здесь нужно выкинуть в суть дела. Ведь социализм, это — призыв к добровольному согласию с общественным рабством, к которому и без того принуждают людей железные законы машинной цивилизации. И как бы люди ни упирались, им придется согласиться на это рабство.

Но, чтобы жить счастливым в рабстве, человек должен быть свободен духовно. «Свобода есть познанная необходимость» (Гегель).

Следовательно, волей неволей, человеку придется поднять духовную сторону своего существования на ту же высоту, на которую он поднял материальные возможности своего существования, иначе эти материальные возможности останутся не реализованными.

Из бесконечного количества путей, ведущих людей к духовному подъему, к осознанию своего долга, к самодисциплине, мы можем выделить три главнейших:

- 1) развитие высокой степени интеллектуальности;
- 2) развитие религиозного сознания;
- 3) увлечение какой либо одной идеей, например, национальной.

Самое легкое это третье, т. е. увлечь людей на труд, на подвиг, на жертвы при помощи национальной идеи. И мы видим, что многие страны и партии стали именно на этот путь. Назовем Германию и Италию. Но куда этот путь приводит?

Крайнее выражение национальной идеи — ее «тоталитарность» есть мечта о мировой гегемонии, будет ли это мечта о воссоздании всемирной римской империи или о господстве над миром высшей арийской расы. Следовательно, этот путь неизбежно ведет к безудержному шовинизму. Что такое фашизм или национал-социализм? Это есть ничто иное, как попытка построить свой собственный социализм, но за чужой счет и при том не разрушая капитализма. Что называется, чтоб и волки были сыты и овцы целы, но только свои, конечно.

Спрашивается: можно ли увлечь русского человека идеей завоевания Франции, Англии и их колоний? Нет, нельзя — мы и со своим то добром не знаем как справиться. Следовательно, путь России не есть путь фашизма. Наш национализм чисто оборонческий, и наш социализм мы строим за наш счет. Наравне с национальными

У России есть и другие пути. У России — пути достижения высот интеллектуальных и религиозных. Это будет труднее завоевания мира с оружием в руках, но зато и легче командовать миром с этих высот.

Итак, правда марксизма — в его части критической, разрушительной, и его ложь — в части конструктивной, созидательной. Это можно доказать яснее, ссылаясь на советскую действительность и показав ложность конечных, созидательных целей марксизма; но нужно ли?

Мы видели, как практика созидания постепенно меняет сознание многомиллионных масс «без догмата», как иерархия подменяет уравниловку, как высшие духовно-моральные ценности вытесняют дозунги марксистского утилитаризма, как интернационалистические тенденции сменяются подлинной любовью к Родине и целями национальными и как, наконец, вечные прищипы созидания, закрепляясь в религиозном сознании, рождают новую созидательную мораль, имеющую в какой то степени заменить стимул личной наживы. В России выковывается новый высокий дух, по самой природе своей стоящий над социальными проблемами и над проблемой свободы.

Во внешней жизни весь этот процесс проявляется утверждением дисциплины и определенного порядка прохождения службы в армии, восстановлением званий командиров, табелью о рангах у чиновников, фиксированием юридических и правовых норм частной и общественной жизни, появлением определенных форм личной, коммунальной, колхозной и государственной собственности, утверждением прочной семьи, организацией церковных общин, т. е. и в сознании и во внешних жизненных проявлениях утверждаются те самые «точки опоры», от которых отталкивается и на которые опирается созидательная творческая жизнь. Вот главные линии того творческого процесса, который протекает у нас на Родине.

Как раз обратный процесс наблюдается во всех остальных странах мира. Здесь массы теряют веру, потому что теряют работу. Массы не слепы, они видят, что при современных темпах механизации и при существующих методах распределения, если не они сами, то их дети осуждены на исчезновение с лица земли. Это сознание заканчивает идейное разрушение всех устоев капиталистического строя. Во всем мире, за исключением России, видны грозные признаки выхода на арену жизни «многомиллионных масс без догмата и без заповедей». И ничто их не удержит от попыток придушить доживающий свой век капитализм, так как и сила, и моральное право, и ход истории на их стороне.

Правда марксизма в разрушении. Это значит, что марксизм не умрет, пока не завершит дело, для которого создан — разрушение капитализма.

Но у нас на Родине это дело уже сделано и наша Родина радостно освобождает

...от их носителей. Творческим потоком, вместе с мусором и грязью разрушения, уносится та «черная злоба, святая злоба», на которую оперся большевизм в своем восхождении. Сталин — последний оплот и вместилище «черной злобы», последний из «мавров». Очередь за ним.

Мы моложе других европейских народов, но ценою невероятных страданий, политически созрели быстрее их. Мы прошли уже тот путь, на который Европа, да и весь мир, только вступает. Мы перенесли страшный кризис роста, но сохранили все наши безграничные творческие возможности и сейчас вплотную приблизились к осуществлению этих возможностей.

Наша Родина строит новую жизнь; там создаются новые формы общественных отношений, которые нельзя назвать ни капитализмом, ни коммунизмом, и которые будут рабски скопированы старой Европой, как была скопирована фашистскими странами диктатура в комбинации с единопартийной системой. Оправдываются вечные слова В. О. Ключевского: «Степная, лесная Россия — неопрятная деревенская люлька, где беспокойно возится и беспомощно кричит мировое будущее».

Н. Гаев.

Русская интеллигенция

«Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения.»

Алексей К. Толстой.

Факты, которыми я позволю себе занять внимание читателей в настоящей статье, общеизвестны.

Теи не менее на страницах «правой» печати, а, в особенности, в откровенных беседах, к ним зачастую относились с предвзятой враждебностью. Поэтому мне и показалось полезным к ним вернуться, чтобы, в меру своих сил, способствовать пересмотру мнений, причиняющих русскому делу неисчислимый вред.

Эти холячие мнения можно бы формулировать так: «русская интеллигенция, интернациональная по духу и слюнвявая и бездельная по натуре, изменила Государю и погубила Россию. Опыт показал, что подпускать ее к делу государственного строительства нельзя на пушечный выстрел». Согласно этому пониманию, самое слово «интеллигент» есть бранное слово.

Что же удивляться, что среда так рассуждающая не способна